

Энтин В.Л. член-корреспондент Международной академии
сравнительного права (Франция), доцент МГИМО МИД РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ЭРОЗИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА: ДАННОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНОСТЬ?

1. Энтропия международного правопорядка

Проблемы развития нового многополярного мира, вызванные с изменением баланса сил и интересов, в немалой степени связаны с тем, что право все больше отстает от демографических, экологических, технологических, политических и иных реалий, что ведет к накоплению претензий к международному правопорядку.

После второй мировой войны борьба с коммунизмом служила для США и их союзников политическим обоснованием блокового строительства, втягивания в систему военных союзов все большего количества государств в Европе и на других континентах. Интересы принудительного удержания народов в зависимости от бывших и будущих метрополий привели к навязыванию структур международного взаимодействия, ставящих в привилегированное положение страны Большой семерки. Произвольное толкование норм международного права в их пользу в совокупности именовались миром, основанным на правилах.

В оправдание такого подхода в схемах глобального разделения труда и связанной с ней информационной картиной мира, страны условно делились на подчиняющиеся принципу «rule of law - господства права в его западном понимании» и все прочие. В отношении прочих допускались любые меры экономического принуждения и политического нажима вплоть до военного вмешательства, что оправдывалось защитой демократии или необходимостью борьбы с терроризмом. Так как политические оценки нередко даются в одностороннем порядке в обход соответствующих

институтов системы ООН, сформировался целый пласт конкурирующих норм, разработанных группами государств, которые нацелены на подмену норм и процедур международного права частными договоренностями. Для юридического оправдания умаления суверенитета отдельных государств за ними фактически отрицается правосубъектность, для чего используются процедуры присвоения рейтингов национальных валют, доктрины несостоявшихся государств (failed states) и гуманитарной интервенции. Претензии к политическому режиму или недостаточной защите демократических прав и свобод служат прелюдией к применению мер экономического принуждения и политической дискриминации.

2. Преобладание силы над правом. Политическая практика борьбы с международным терроризмом, приведшая к свертыванию политических прав и свобод внутри стран Европы и Америки, меры тотального контроля за людьми, спровоцированные COVID 19 и активизацией миграционных потоков из неблагополучных районов мира, выявили низкую эффективность организаций системы ООН, ограниченных сложной процедурой принятия решений и «щедростью» стран доноров.

Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе и Хельсинский акт стали реликтами ушедшей эпохи, обслуживающие самих себя, а деятельность международных организаций по защите прав человека не оправдывает возлагаемых на них ожиданий.

Сохранение моральной и юридической силы универсальных международных конвенций, провозглашающих, что права человека принадлежат всем и каждому, независимо от гражданства и места жительства, оказывается под вопросом в условиях, когда международные судебные учреждения становятся инструментом текущей политики, обслуживая интересы информационных войн. То обстоятельство, что государства никогда всерьез не относились к соблюдению прав не граждан, не может служить оправданием для нынешнего положения вещей.

Презрение к человеческой жизни, сопровождавшее крушение колониальной системы, войны в Алжире, Вьетнаме, геноцид в Камбодже и Руанде, войны после распада Югославии, привели к тому, что защита прав человека на жизнь и собственность негласно стали рассматриваться как прерогатива развитых демократических стран, недоступная остальному миру.

Претензии на особое положение Запада обосновывались рейтингами, которые по замыслу их составителей должны служить показателями уровня развитости и демократии. То есть, идея универсальности защиты человеческого достоинства оказалась прекрасной мечтой, которая стала жертвой реальной политики и защиты государственных интересов. Ей на смену пришли существующие в общественном сознании реальные и мнимые преимущества для тех, кто оказался на территории развитых стран в качестве беженца или гражданина. Мир стихийно разделился на благополучный и неблагополучный. Миграционные потоки прочерчивают линии взаимодействия между разными центрами силы, усиливая напряжение между полюсами глобального Севера и Юга.

3. Уход от логики тотальной конфронтации. Идея универсальности, озвученная в уставе ООН, оказалась слишком амбициозным проектом для разделенного человечества. Но это не значит, что правовые условия, делающие возможной его реализацию, не должны создаваться. Исходя из принципа разумной достаточности, следует отказаться идти по пути расширительного толкования права государства на самооборону, о чем говорится в ст. 51 Устава ООН.

Распространение ее на все случаи угрозы безопасности, в том числе угрозы жизненно важным коммуникациям, (морским, трубопроводным, воздушным, находящимся на околоземной орбите), а также существенным экономическим интересам, опасно снижает порог допустимости применения военной силы. Желательно отойти от логики противостояния по всем

азимутам. Воздерживаться от каких-либо действий сегодня уже недостаточно. Нужны конструктивные шаги.

Искомым ограничителем противостояния могло бы стать создание особого правового режима и многосторонних международных гарантий для инфраструктурных проектов в Арктике, Азии, Африке, в Космосе. Необходимо уйти от чреватого конфликтами территориального размежевания между государствами в интересах спасения ресурсов мирового океана и сбалансированного освоения мирового интеллектуального наследия, где конечными бенефициарами должны стать страны, чьи интересы долгое время просто не принимались во внимание. Угрозы биологическому существованию человечества слишком серьезны, чтобы откладывать конкретные решения на потом, переадресуя их будущим поколениям.

4. В поисках ресурсов. Поиск необходимых ресурсов может идти по пути устранения устоявшихся в праве дисбалансов в пользу развитых стран. Так произвольный выход за пятидесятилетний срок правовой охраны произведений, предусмотренный Бернской конвенцией, и продление ее до 70 лет после смерти автора или пережившего соавтора, начиная с 1 января года, следующего за годом печального события, ведет к образованию сверхприбыли у приобретателей авторских прав. Дополнительные двадцать лет коммерческой эксплуатации ведут к появлению сверхдоходов, которое могло бы изыматься в режиме *windfall tax* (налога на сверхприбыль) у стран, являющихся нетто экспортерами продукции, охраняемой авторским правом.

Это тем более оправдано, поскольку международные конвенции по защите интеллектуальной собственности рассматривают компьютерные программы как объекты авторского права. Применение длительного срока охраны (средняя продолжительность жизни плюс еще 70 лет) к этим объектам, защищая их от несанкционированной переработки, становится своего рода супер сбором в пользу технологически продвинутых стран. Такое

обременение становится все более ощутимым в условиях разработки и использования систем искусственного интеллекта, которые по необходимости работают с охраняемыми объектами авторского права и базами данных с персональной составляющей. Изготовители и дистрибьюторы систем ИИ, компании - владельцы очень больших платформ и поисковиков платят и будут платить все более крупные штрафы за реальные и мнимые нарушения, которые в виде производственных издержек перекладываются на пользователя, лишенного возможности выбора. Штрафы перестали бы играть роль поборов в пользу отдельных стран их применяющих, если бы соответствующие суммы шли в фонды поддержки развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

5. Справедливость для всех. Человечество столкнулось с вызовами переформатирования глобализации на основе подчинения экономической целесообразности вопросам национальной безопасности. Переформатирование может сыграть конструктивную роль, если оно будет носить справедливый характер. Один из путей - это повышение справедливости действующей системы защиты интеллектуальной собственности. На теоретическом уровне нередко ставится вопрос о желательности переналадки национальных правовых систем защиты интеллектуальной собственности из средства, служащего закреплению технологического преобладания развитых стран, в бустер развития стран глобального Юга.

Это позволит нейтрализовать практику искусственного сдерживания развития стран конкурентов через механизмы экономического давления, уменьшив сроки охраны прав на различные объекты интеллектуальной собственности и сузив сферу правовой защиты.

Сужение правовой охраны в интересах простоты и скорости ее обретения - достаточно распространенный прием. Он применяется, когда речь идет о незарегистрированных промышленных образцах ЕС. Они охраняются в

течение трех лет только в отношении буквального копирования. Зарегистрированные же промышленные образцы могут охраняться до 25 лет, а сама охрана распространяется на случаи переработки. Представляется, что подобные меры служат скорее защите товарных рынков, нежели поощрению творческого начала и создания нового. В этой связи было бы разумным наделить страны глобального Юга правом дифференцировать сроки и пределы правовой охраны в отношении промышленных образцов и товарных знаков производителей, не имеющих производства на национальной территории, переводя регулирование вопросов правовой охраны на соответствующий региональный или национальный уровень в зависимости от страны происхождения товара или услуги.

Защита интеллектуальной собственности сегодня выходит далеко за пределы академических дискуссий, так как производство товаров и услуг с высокой интеллектуальной составляющей создает сегодня больше рабочих мест, чем производство сырья и энергии. Страны Европейского Союза пошли по пути выстраивания автономной системы охраны промышленной собственности, предусмотрев самостоятельную защиту Европейским правом товарных знаков ЕС, промышленных образцов ЕС, а теперь и европейских патентов с унитарным эффектом, что позволяет создавать преференциальные условия для физических и юридических лиц, ведущих бизнес на территории ЕС и стран Европейской Экономической Зоны. Такая автономность снижает уровень защищенности и повышает юридические издержки для третьих стран.

У бизнеса, зарегистрированного в других странах, появляется дополнительный стимул перенесения коммерческих операций в зону наибольшего благоприятствования, что заставляет страны Глобального Юга, дабы ослабить отток капитала и квалифицированной рабочей силы, предоставлять многообразные налоговые преференции для поощрения иностранного производства в свои страны. Это обескровливает

национальные бюджеты, которые оказываются в долговой зависимости от иностранной помощи, лишь отчасти компенсирующей им выпадающие доходы.

Выравнивание ситуации теоретически становится возможным, когда и если страны БРИКС в рамках своих интеграционных объединений выйдут на заключение двусторонних и многосторонних соглашений о взаимном признании самостоятельной правовой охраны инвестиций в материалы компьютерных программ (право *sui generis*), включая инвестиции в разработку вычислительных моделей и методов. Это позволит распространить правовую охрану на алгоритмы и результаты моделирования технических, социальных, экономических процессов в разных сферах деятельности с использованием ценных и особо ценных данных, признанных таковыми национальным законодательством.

Тем самым у развивающихся стран возникнет возможность ввести во взаимный коммерческий оборот и в сотрудничество с остальным миром специфический национальный продукт, используемый системами искусственного интеллекта и распространить правовую охрану на результаты, полученные с его помощью.